

Комбат Найтов

ВТОРОЙ

ПОМОЩНИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Н20

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 221

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Найтов, Комбат

Н20 Второй помощник : роман / Комбат Найтов. — Москва : Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-135976-8

Война на море — одна из самых известных и, тем не менее, самых закрытых тем Второй мировой войны. Советский флот, как военный, так и гражданский, не был готов к таким масштабным действиям в условиях «неограниченной» войны на коммуникациях. Не слишком богатое государство не могло выделить достаточно средств на создание заново некогда второго-третьего флота в мире. Эффективность действий советского флота была достаточно низкой, что не мешало, тем не менее, вписать многие славные страницы в историю Отечественной войны. 22 июня 1941 года, в территориальных водах Швеции, у острова Готланд был торпедирован и потоплен первый советский пароход «Гайсма», принадлежавший Литовскому государственному морскому пароходству. Торпедные катера Германии базировались в «нейтральной» Швеции. Так, в 06.10 утра по среднеевропейскому времени, советские моряки вступили в Великую Отечественную войну.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135976-8

© Комбат Найтов, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава I

22 ИЮНЯ 1941 г., 3,5 МИЛИ ОТ ГОТЛАНДА, БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Проснулся я от равномерного покачивания и незнакомого шума какого-то низкооборотного двигателя, честно говоря, ничего не поняв. Узкая койка, окрашенные в непотребный цвет переборки, иллюминатор, прикрытый тряпчатой занавеской. А за переборкой голоса, говорящие на непонятном языке! Что за черт?

Вчера было 26 июля 2020 года, день флота, ну, отметили профессиональный праздник в компании таких же пенсионеров-подводников. Стараясь не шуметь, я встал с койки, прислушался к удаляющимся голосам, посмотрел на аккуратно повешенную на спинку стула одежду, и снова ничего не понял: под брюками висел китель, на рукаве которого красовалась одна широкая и одна узкая полоска, типа младший лейтенант, что ли? Но звезды не было, погон тоже. Полез в карман кителя, надеясь обнаружить там документы: пусто! В рундуке тоже ничего такого не оказалось, но в ящике стола нашел судовую роль парохода «Гайсма», Ли-

товского Государственного морского пароходства. Роль была заполнена и подписана 21 июня 1941 года в порту Вентспилс. Там же лежали рабочий диплом и мореходная книжка. Второй помощник капитана Сергус Станкявичус пересек границу СССР 22 июня 1941 года в порту Вентспилс. Твою мать! А какое сегодня число? И что делать? Я же по-литовски не говорю!

Но времени подумать мне не дали! Загремел длиннейший звонок: боевая тревога! Засвистел свисток в трубке над столом. Я отвечать не стал, просто вытащил его. Оттуда раздался голос, что-то говорящий на литовском. Я сунул обратно свисток и начал быстро надевать на себя одежду. Процесс одевания был прерван громким взрывом в корме, засвистел пар, пароход дал продолжительный гудок, загрохотал короткими звонком, после седьмого сигнала взревев продолжительным: шлюпочная тревога! Я не забыл сунуть себе в карман обнаруженные документы и судовую роль, пригодятся, но, выскочив из каюты, рванул на правый борт, хотя пароход накренился на противоположный и спуск шлюпок с него скоро станет невозможным. Визуально обнаружил спасательные плотик и круг, сорвал их со щита, захватил топор и сбросил вначале круг, закрепив его длинным концом за шлюпбалку. Второй взрыв! И грохот пулеметов или скорострельных пушек по левому борту. Крики раненых, скрип шлюп-талей. С плотиком я переместился за релинги и сел на планширь под

шлюпкой, дожидаясь, когда судно накренится больше, чтобы сбежать в воду. Где-то взревели двигатели, стрельба прекратилась, в разрыве утреннего тумана я увидел берег в нескольких милях от гибнущего судна. Все, пора, сейчас начнут рваться котлы! Медленно сполз по борту и встал на скуловой киль, выступивший из воды. Винт еще вращался, машину никто не остановил. Затянет под него и... хана!

Громкий взрыв где-то внутри корпуса, и винт остановился! Оттолкнул довольно тяжелый плотик от борта, рубанул по концу спасательного круга и прыгнул в воду вместе с ним. Судно теряло поперечную остойчивость и сильно накренилось, но я быстро оказался за кормой, до того момента, когда оно начнет уходить под воду. Стараясь не выдать своего присутствия в воде, брассом начал подгребать к плоту, который был снабжен плавучим якорем. Примерно в полумиле от меня находились две спасательные шлюпки, но мне совершенно не хотелось присоединяться к оставшемуся экипажу. Направление на берег я засек, но остальные усиленно гребли в сторону от него. Поболтавшись в воде около плота полчаса, я забрался в него.

Прорезиненный мешок, в который я успел засунуть документы, не промок, в отличие от часов, пароход благополучно затонул минут через пять, как я оставил его. Два маленьких пятнышка на горизонте, куда ушли «бывшие

коллеги», и на северо-западе, судя по солнцу, низкий, почти невидимый берег. Выбрал плавающий якорь, сел в плоту, предварительно сняв и разложив на пробковых стенках мокрую одежду, и начал потихоньку грести ладошками в ту сторону. Вода теплая, ветер слабый, судов и кораблей пока не видно. Есть и пить пока не хочется, а там: упрямся и разберемся. Есть познание, что берег вражеский, но чему быть — того не миновать. Остаться в составе экипажа не было никакой возможности. Проклятый языковой барьер! Знаю английский и немецкий, русский и русский матерный, со словарем в придачу, причем сразу по голове. Обучиться литовскому не успел, несмотря на полугодовое пребывание в местечке Гайжюнай, Ионавского района, Литовской ССР, п/о Рукла, в/ч 11929, в 1-й учебной парашютно-десантной роте 226-го учебного парашютно-десантного полка. Но там литовский язык в программу обучения не входил, с местным населением мы не общались, от слова «совсем», так что, кроме отдельных слов, в голове ничего не осталось. Через полгода, в звании сержанта, я сменил пески и сосны Гайжюна на полностью заросшую верблюжьей колючкой степь в Азад-Баше, под Чирчиком, и более на территории Литвы не бывал. Так что, сами понимаете, гусь свинье не товарищ!

Скорость у плотика была минимальной, к тому же я заметил, что ветер и течение не дают

мне возможности быстро подойти к берегу, пришлось спрыгнуть в воду и пару часов подталкивать его ногами в нужном направлении. Благо, что тепло, и, судя по всему, это — Балтика, цвет воды совсем не океанский. Через некоторое время я выяснил, что берег практически не приблизился, но я сместился на пару-тройку миль левее, теоретически на юго-запад. То есть «мой» бывший экипаж значительно лучше знал гидрологию этого места и ушел в том направлении, где бороться с течением и ветром не нужно. Бесплезное занятие: направлять дрейфующий плот к берегу, я прекратил, убедившись, что дальше от берега меня не отбрасывает, разве что чуть-чуть, а выбиться из сил возможность была. Что ж, уподобимся Алену Бомбару, благо, что фляжку на литр примерно воды, стеклянную, и набор для рыбной ловли я обнаружил в карманчике-клапане плота. Там же находилась керосиновая лампа, без керосина, к тому же не было спичек. Да и сигарет тоже. Больше всего хотелось курить, поэтому решил отвлечься и заняться рыбной ловлей. Ну, прямо скажем, что предоставленные снасти мало годились для морской рыбалки: медные блесны-колебалки без катушки не работают, а у дрейфующего плота скорость — понятие относительное, при почти полном отсутствии ветра. Годился только деревянный воблер, но у него была коротковата леска, пришлось связывать между собой две «закидушки». Только забросил, и тут же об-

наружил, что необходимо лечь на брезент, и не отсвечивать. Когда полностью рассвело и рассеялась дымка, то я без труда узнал южную оконечность острова Готланд, принадлежавшего большому поклоннику Адольфа, его тезке, Густаву Адольфу Пятому фон Бернадоту. То-то мои несостоявшиеся товарищи по несчастью рванули от острова через все море к литовским берегам. Все суда и их экипажи из СССР, находившиеся в портах Швеции, 22 июня были интернированы до конца войны. Знаменитая Коллонтай, госпожа посол Советского Союза, ничем им помочь не смогла.

С моря, курсом 330°, в сторону бухты Våndburgs шло два торпедных катера с красно-бело-черными флагами на гафелях. Судя по звукам их моторов, именно они торпедировали «Гайсму» и обстреляли ее экипаж. В плен никого не брали, так как базируются на шведской территории. Так что, даже на клонувшую рыбу я не прореагировал, лежал на брезенте и ждал, когда ветер и течение пронесет мимо этого проклятого места. Впрочем, плотом никто не заинтересовался, так как я признаков жизни на нем не подавал, поэтому через несколько часов я был уже вдалеке от того места, где базировались немцы, и смог вытащить сразу двух рыб: небольшого окуня, схватившего первым блесну, слопал красавец судачок, примерно два кило весом. Вода на поверхности моря слабосоленая, 3–4 промилле, так что от жажды здесь не пом-

решь, главное пить понемногу, а вот добыть из нее соль не получится. Довольно тупой, с зазубринами, топор помог выпотрошить рыбу, с его помощью из мелкого удалось добыть немного сока. Флягу с водой за весь день я так и не раскрыл, этому способствовала надпись на фляге, где кроме литовского, существовали надписи по-французски, по-немецки и по-английски, что это — консервированная вода, и срок ее хранения вышел.

Меня вынесло в пролив между островами Эланд и Готланд уже к вечеру. На вечерней зорьке активно ловился хороший крупный окунь. Я делал ему надрезы на спине и смог полностью утолить жажду, трех окуней поменьше забросил как приманку на ночь. Один из них меня здорово выручил ближе к полуночи. Его схватила какая-то крупная рыба, а леска-жилка была короткой, поэтому рыба выпрыгнула и сильно стукнула хвостом по воде. Я проснулся из-за этого шума, но выяснилось, что заниматься рыбой не придется: прямо на меня двигалось четыре огня: два белых топовых, красный и зеленый, пеленг на них не менялся. И мне пришлось вытащить из аварийного мешка один из двух имеющихся фальшфейеров, выкрутить нижнюю пробку и дернуть за колечко с двойной ниткой, то есть подать сигнал бедствия. Иначе этот пароходик прошел бы прямо по моему плоту. Он отвернул, меня осветили

слабеньким прожектором, и легли на циркуляцию. На судне прозвучали сигналы шлюпочной тревоги. Но пароход был не слишком большой, и, видимо, за штурвалом был опытный морячина, который зашел с подветра, и дважды толкнув машиной свое «корыто», подвел его почти вплотную к плоту. С бака полетела выброска, попавшая довольно точно, и я ухватился за линь. Легко стукнувшись о борт судна и не перевернувшись, плот прижался к борту. Чуть позади выбросили штормтрап, в этом месте обычно швартуются лоцманские катера. Багажа у меня не было. Так что через несколько секунд я стоял у релингов на главной палубе пароходика, примерно в 1000–1500 брт. Ночь, флаг на судне незнакомый: красный с желтым крестом. Никогда таких не видел, но на палубе я не слышал немецкой речи. Начал я свой монолог, как Джигарханян в фильме «Собака на сене»: «Пошли-басы», но вместо «басы» употребил те немногие слова, которые помнил по-литовски: «Лабас! Лабас вакарас!»¹ И перешел на английский.

— Steamship «Gaisma», Lithuanian Steamships Company, followed to England with general cargo. Two torpedo boats, under German flags, attacked us at 06.10 Middle European time in Sweden's waters, near Gotland, in tree miles from the coast. I'm cargo-mate of «Gaisma». My name is Sergus

¹Здравствуйте! Добрый вечер! (лит.)

Stankjavichus, I'm from Venta, USSR. It is our crew list, and it is my seabook¹.

— Follow me! — сказал мне худощавый человек в морской фуражке, видимо — помощник капитана. Затем с немного странным акцентом сказал, что вчера Германия объявила войну СССР.

— Where are you from? — спросил я его.

— Oslo, Norway, — коротко ответил тот и замолчал. Черт, они под оккупацией! Из огня да в полымя! Впрочем, тут ничего удивительного, вся Европа под немцем.

Капитана, естественно, звали Свен, других имен у них нет, что ли? Пожилой, бородатый, хлопнув меня по плечу и пожав руку, углубился в чтение документов, впрочем, ненадолго.

— Русский?

— Русский, мы теперь все русские.

— Мы идем из Лулео домой, в Осло. Там тебя арестуют.

— Нежелательно, господин капитан.

Он сделал мне знак рукой и вышел из рубки в каюту на верхней палубе.

— А что ты хочешь?

— Вернуться домой и драться. Через Англию, например, или Исландию.

¹Пароход «Гайсма», Литовского Морского Пароходства, следовали в Англию с генгрузом. Были атакованы двумя торпедными катерами под немецким флагом в 06.10 среднеевропейского времени в шведских территориальных водах в трех милях от острова Готланд. Я — грузовой помощник капитана «Гайсмы». Меня зовут Сергус Станкявичус, я из Венты, СССР. Это — наша судовая роль, а это — моя мореходная книжка.

— Мы туда не ходим.

— Догадываюсь. А если через Швецию? Они — нейтралы.

Капитан кисло ухмыльнулся, мы уже находились в его каюте, и я с наслаждением курил какие-то незнакомые сигареты. Кэп смаковал трубку и перебирал какие-то визитные карточки.

— Давно по морям бродишь?

Откровенно на этот вопрос я ответить не мог, заглянуть внимательно в диплом у меня соображалки не хватило, поэтому я его вытащил и протянул капитану. Тот почитал, открыл ящик стола и бросил его туда.

— Посиди здесь, пообщайся с «Аквави-том». — Он выставил на стол початую бутылку какой-то водки, поставил на стол высокий стакан и вышел из каюты.

Ждать его пришлось более получаса, если бы не сифон с сельтерской, то пить такую гадость было бы невыносимо. Но выставлена бутылка была со злобным умыслом, так как по приходу зоркий глаз капитана, в первую очередь, устремился на нее. Русские в Норвегии — все пьяницы, хотя средний «норг» потреблял в то время крепких напитков больше, чем любой человек в СССР того времени. Удовлетворенно хмыкнув, что к бутылке едва прикоснулись, капитан распорядился:

— Тебя внесли в судовую роль, как моего помощника. Спустись в кают-компанию, там тебе

ужин разогрели. С 12.00 судового — твоя вахта. Каюта на другом борту на этой палубе, вот ключ. Пройдем проливы — пересядешь каргой на другую посудину, ну, а там, как богу угодно будет.

В кают-компании был рыбный суп в томатном соусе, рыбные котлеты, в виде клецек, с капустой, и грог, ром с лимонным и грейпфрутовым сиропом. А в каюте в рундуке висела норвежская морская форма, пара свитеров, два плаща и штормовая шляпа с большими полями. По ходу зашел к радисту и попросил у него дисциплинт, промыть часы, остановившиеся на 06^h15'47". Немного повозившись с часами, лег на койку и уснул.

И хотя вторым помощником я был лет двадцать пять — тридцать назад, но за это время ничего не изменилось! Вахта есть вахта. Судно мерно покачивалось на гладких невысоких волнах, тихонько пыхала паровая машина, шумевшая значительно меньше, чем дизеля или турбины, с которыми я знаком гораздо лучше, чем с ней. Тикали часы на переборке, а где-то далеко шли бои, мой же путь пока лежал на юго-запад, и вовсе не в сторону дома, где вторые сутки полыхает война.

Разбудили в 10.30 телефонным звонком из рубки. Говорил по-английски радист, его голос мне знаком с ночи. Какао с булочками, точнее, печенюшками, довольно твердыми, и вчерашние рыбные котлеты, только с ри-